

«СТАТЬ ЧЕРНЫМ В АМЕРИКЕ»: ПРОБЛЕМЫ РАСЫ В РОМАНЕ Ч. Н. АДИЧИ «АМЕРИКАНХА»

В статье «Новые тенденции в американской литературе, новые имена» авторитетный белорусский ученый-американист Ю. В. Стулов назвал роман Чимаманды Нгози Адичи «Американха» «явлением» в современной литературе [2, с. 151]. Роман был включен в список десяти лучших книг, вышедших в Соединенных Штатах в 2013 году, и отмечен премией Национального круга книжных критиков, одной из самых престижных наград в области литературы, что поставило имя писательницы в один ряд с именами таких классиков, как Т. Моррисон, Дж. Алдайк, Энн Тайлер, Дж. Смайли, К. Маккарти, Ф. Рот и др.

Сегодня Ч. Н. Адичи известна не только литературным творчеством, но и общественной деятельностью, она является участницей многочисленных конференций и семинаров, посвященных актуальным проблемам современности. Ее голос обретает все большую силу, фрагменты речей расходятся на цитаты.

Ч. Н. Адичи – нигерийско-американская писательница. Она родилась в Нигерии, а в возрасте девятнадцати лет приехала получать образование в США. Ч. Н. Адичи входит в число авторов, чью идентичность можно обозначить как кросс-идентичность или гибридную идентичность, когда национальные составляющие ее структуры взаимодействуют не на уровне подчинения, а в сотрудничестве, оказывая равнозначное влияние друг на друга. Это определяет специфику звучания расовой темы в романе «Американха», подчеркивая объективность авторского взгляда.

Ведущую сюжетную линию произведения образует история главной героини Ифемелу, которая из нигерийского Лагоса отправляется на учебу в США и тринадцать лет проводит в этой стране, после чего принимает решение вернуться на родину. Американха – это и Ифемелу, и другие ее соотечественники, которые в поисках лучшей жизни приехали в Америку, пытались принять новые правила жизни, но все-таки американцами стать не смогли, были чужими в этой стране – американцами.

Америка создана не для африканцев – такое впечатление складывается уже при анализе первого эпизода романа: из Принстона, где находится студенческий городок, в котором живет Ифемелу, она вынуждена ехать в другой город, чтобы заплести в косы свои «этнические волосы» [1, с. 270], поскольку в Принстоне такую услугу не оказывают. И хотя на африканские волосы в Америке «работает» целая индустрия: выпускают шампуни и средства для выпрямления и смягчения волос, открываются специализирующиеся на прическах на afro-волосах салоны-парикмахерские, – есть города, где таких салонов нет, словно нет и самих африканцев. Примечательно, что все препараты для африканских волос ориентированы на то, чтобы придать им качества волос белой расы – сделать их гладкими, лишить кучерявости, смягчить. И, конечно, данные африканцам

косметические возможности должны были ими восприниматься как благо, как помощь в том, чтобы обрести соответствующий доминирующей расе вид.

При таком подходе волосы, как замечает сама героиня, выступают «метафорой расы» [1, с. 390]. То, какие запреты социум налагает на внешний вид африканок, может выступать характеристикой самого социума, в котором тем не менее общим местом утвердилась позиция белых американцев об их толерантном отношении к любой расе: «Америка нынче не различает цветов», – говорит одна из представительниц белого населения [1, с. 385]. Своеобразие этой фразы заключается в том, что она допускает двойственную коннотацию: в равной степени говорящая может иметь в виду то, что, с ее точки зрения, в Америке все цвета равны (что и становится понятным из контекста), но второе значение этой фразы в том, что Америка – глазами нигерийки Ч. Н. Адичи – игнорирует все цвета (кроме, очевидно, белого), нивелирует особенности каждой нации и расы, образующей США во всем их культурном многообразии, что получает доказательство в дальнейшем ходе повествования. Так, перед собеседованием для устройства на работу Ифемелу по совету своего куратора («мой единственный совет: уберите косы, распрямите волосы. Никто про это не говорит, но оно значимо» [1, с. 269]) выпрямляет волосы – «жарит» [1, с. 390] их, чтобы выглядеть на собеседовании «профессионально», то есть предстать перед членом корпорации с прямыми волосам, но если бы она решила оставить волосы «кудрявыми», то ей пришлось бы привести их в соответствие с «белым» стандартом: уложить «крупными завитками или волнами, но не курчавыми во все стороны» [1, с. 272]. Собеседование Ифемелу прошла успешно, и проводившая его женщина отметила, что Ифемелу «чудесно подходит» компании, но после испытания у девушки возник вопрос: «Сочла бы эта женщина так же, если б Ифемелу вошла в кабинет со своим густым, курчавым, богоданным нимбом волос – с афро» [1, с. 272].

Выпрямление волос дается африканкам непросто: волосы могут быть сожжены, а кожа головы часто травмируется от горячих щипцов. Средства для выпрямления наполнены канцерогенами, ожоги, которые получала Ифемелу в результате этой процедуры, были болезненны, гноились, потом рубцевались («маленькое яростное вздутие кожи» [1, с. 271]) и из-за невозможности «поудобнее пристроить голову на подушке» [1, с. 272] лишали ее сна. Но компенсацией этим страданиям должен был стать «удобный» для белого социума внешний вид. Не случайно парикмахер, оценивая то, как выглядят волосы Ифемелу после выпрямления, говорит: «Вы глянетье, какая красота. Ну, подруга, волосы у вас струятся, как у белой» [1, с. 270].

Еще одна уловка африканок в погоне за гладкими волосами – использование накладных прядей, к чему, по наблюдению Ифемелу, часто прибегала Мишель Обама. И моделирование ситуации отказа жены президента от этих ухищрений приводит девушку к пониманию печальных последствий такого выбора: «Мишель-то зажжет, а вот бедняга Барак наверняка потеряет независимых избирателей и даже колеблющихся демократов» [1, с. 391].

Необходимость «присмирять» «богоданный нимб» выпрямлением, косами и накладными прядями – то, что становится способом «стирания» расы – приводила к выпадению волос, но ни от выпрямления, ни от кос, ни от прядей африканки не могут отказаться, поскольку, как следует из приведенной выше цитаты, «никто об этом не говорит, но это значимо».

Действительно, время, которое представлено в романе – XXI век, период правления первого президента-афроамериканца Барака Обамы – это время, когда агрессивные проявления расизма, казалось бы, остались в прошлом: уже нет Ку-клукс-клана, нет сегрегации, отдельных социальных структур для черных, но, как показывает Ч. Н. Адичи, расизм обретает новые – «мягкие» – черты. Отметим, что сегодня утверждается представление о том, что «мягкий расизм», присущий доминирующему населению по отношению к расовым меньшинствам, – это новый расизм, когда «из-за изменения общественных норм и принятия в ряде стран антидискриминационных законов стало не принято открыто выражать свои негативные чувства» [3], т. е. негативные по отношению к другой расе чувства оказываются неизбывны, но обретают иное – скрытое – выражение.

И таких проявлений Ч. Н. Адичи в романе «Американха» представляет множество: упоминание о книге, в которой рассказывалось о расовых переживаниях героини-афроамериканки, однако книгу редактор предложил доработать, поскольку она должна оказаться «выше расы», как будто «раса – напиток, который надо подавать умеренно, смешанный с другими жидкостями, иначе белая публика не проглотит» [1, с. 438]; выпускающиеся журналы для женщин, где на двух тысячах страницах оказываются представленными только «три черные женщины» [1, с. 388], а остальные – даже «не белые», например, латиноамериканки, – оказываются «закамуфлированными» под белых: «никакой разницы в цвете кожи, в прическе, в чертах» [1, с. 387]; рассказ нигерийки, которая забыла о невозвращенной в библиотеку книге и услышала от охранника упрек в том, что этот народ – черный – «все делает наперекосок» [1, с. 244]; в воображаемой Ифемелу картине брака белого американца с африканкой родственников жениха не обойдет стороной диалог, суть которого сведется к фразе «чего это прислуга нарядилась в свадебное платье» [1, с. 265]; презумпция виновности черных – возврат взятой в долг суммы денег одним афроамериканцем другому показался подозрительным белому охраннику (он решил, что «эти двое черных торгуют наркотиками» [1, с. 449]) и оба оказались в полиции; отказ, который получила Ифемелу при обращении за услугой обработки бровей воском: «Мы с кудрявыми не работаем» [1, с. 383]. Эти слова были сказаны девушкой-азиаткой – так в романе «Американха» тема расизма смещается от оппозиции «белый / черный» в сторону любого межрасового противостояния.

Обращает на себя внимание тот факт, что, как представлено Ч. Н. Адичи, профессиональное пространство, которое занимают в США расовые меньшинства, – это преимущественно сфера обслуживания. В этой связи показателен эпизод, когда белая американка, узнав, что ее врачом является чернокожая, сделала лицо похожей на «обожженную глину» и «велела передать ее карту другому врачу» [1, с. 244]. Невозможность чернокожего населения интегрироваться в общественные институты – это один из штрихов создания Ч. Н. Адичи картины мира африканцев в современной, «освобожденной от расизма» Америке.

Живя в США, Ифемелу начинает вести обретший читательскую популярность блог «Расемнадцатое, или Разнообразные наблюдения черной неамериканки за черными американцами (прежде известными как негры)». Значение слова «расемнадцатое» заявляет тему свободы и отправляет читателя к утвердившемуся в американской национальной традиции «июнемнадцатому» (Juneteenth) –

Дню Освобождения (Дню Свободы, Дню Эмансипации), который отмечается в 45 американских штатах как годовщина объявления отмены рабства 19 июня 1865 года в Техасе и в целом освобождения рабов-афроамериканцев; в 2021 году по указу Джона Байдена этот праздник получил статус федерального.

Блог Ифемелу, пожалуй, главная составляющая «Американхи», которая посвящена размышлениям о расовом неравенстве в современных США, и вскрывающая большое количество противоречий не только во взаимодействии черных с белыми, но и внутри чернокожего сообщества (так, Б. Обама, чья мать была белой, рассматривается как «черный другого рода» [1, с. 466], он является недостаточно черным, чтобы праздновать победу чернокожей расы над белыми (или примирение рас), поскольку между белыми и черными в Америке всегда война).

Из статьи Ифемелу «Как черному неамериканцу понять Америку» становится понятным, что «среди всех племенных категорий самая неуютная для американца – расовая» [1, с. 459], «культура» в США равно «раса», и, если утверждается, что, например, фильм «массовый» – это означает, что «фильм нравится белым или его сняли белые», а если фильм «урбанизированный» – это «черный, нищий, вероятно, опасный и потенциально увлекательный» [1, с. 460]. Не менее показательно звучат названия других колонок: «Открытый тред: неграм-в-футляре» [1, с. 403], «Соображения об особом белом друге» [1, с. 472], «Странствия в шкуре черного» [1, с. 433] и др.

Раса в Америке, как она изображается Ч. Н. Адичи, – это не только культура, цвет кожи или генетика. Раса – это и политика, которая определяется обществом. Размышляя о Б. Обаме, персонажи романа приходят к выводу, что президентство лишит его «черноты», как популярность лишила ее Опри Уинфри: белый социум, впуская чернокожего в свое пространство, как отмечалось выше, словно «смыкает» с него расу: «Опра больше не черная, она – Опра» [1, с. 466]. Таким образом, в романе «Американха» вопрос расы коррелируется с вопросом личной идентификации – сможешь ли ты остаться черным в Америке, которая «не различает цветов»?

После более чем десятилетия проживания в Америке Ифемелу возвращается в Нигерию, в Лагос. И первое ее ощущение после приземления самолета в Африке – избавление от необходимости чувствовать себя черной, человеком иной – второстепенной – расы («черный – это самый низ расовой лестницы Америки» [1, с. 292]), освобождение от комплекса расы, навязываемого «толерантными» американцами.

Таким образом, Ч. Н. Адичи в романе «Американха» убеждает в том, что в Америке расизм как форма проявления превосходства одной расы над другой, обретая иные черты, остался расизмом. Один из блогов главной героини романа Ифемелу начинается словами: «Дорогой черный неамериканец, когда решишь приехать в Америку, ты станешь черным» [1, с. 292], имея в виду весь комплекс социальных установок и правил, которому придется подчиниться человеку с отличным от белого цветом кожи. Сегодня актуальным становится взгляд на социум как открытую структуру, существующую в условиях транскультурности, когда права личности признаются вне зависимости от ее расовой, национальной, гендерной или иной принадлежности. Очевидно, Америка, изображенная в романе Ч. Н. Адичи, пока только на пути к осуществлению этих процессов.

Літэратура

1. *Адичи, Ч. Н.* Американха / Ч. Н. Адичи. – М. : Фантом Пресс, 2018. – 640 с.
2. *Стулов, Ю. В.* Новые тенденции в американской литературе, новые имена / Ю. В. Стулов // Вестн. БГПУ им. М. Акумуллы. – 2020. – № 4 (57). – С. 150–155.
3. *Шнирельман, В. А.* Порог толерантности. Идеология и практика нового расизма [Электронный ресурс] / В. А. Шнирельман. – Режим доступа: <https://www.klex.ru/12ve>. – Дата доступа: 10.08.2022.

В. Ю. Гронская (Беларусь)

ВОБРАЗЫ «ЧЫСТЫХ» ПТУШАК У ПАЭТЫЧНАЙ ТВОРЧАСЦІ Л. ДРАНЬКО-МАЙСЮКА

У сучасным літаратуразнаўстве назіраецца тэндэнцыя выкарыстання алегарычнага суаднясення чалавека і жывёлы. Гаворачы пра мастацкае ўвасабленне анімалістычных вобразаў, даследчыкі адзначаюць «прывязанасць» да фальклору, літаратурна-кніжных традыцый, творчае засваенне вопыту сусветнай культуры [4, с. 3]. У беларускай літаратуры жывёльны свет выконвае важную эстэтычную функцыю. Асаблівае месца сярод іх займаюць арніталагічныя вобразы, якія ў творчасці Л. Дранько-Майсюка шырока прастаўлены.

Арніталагічныя вобразы ў паэтычнай творчасці пісьменніка выкарыстоўваюцца дзеля сімвалізацыі пачуццяў, светаадчування аўтара. Так, у вершы «Каханка» адным з цэнтральных вобразаў-сімвалаў стала ластаўка. Традыцыйна для вобраза птушкі характэрна аднесенасць да «чыстых» птушак, звязаных з верхам і небам, а таксама жаночая сімволіка: «*Яна была апранута ў змярканне, / І ластаўка сядзела на плячы, / На кожным крылцы – залатое ззянне*» [2, с. 44]. Але ў прыведзеным вершы раскрываецца амбівалентная сімволіка. У традыцыйнай мадэлі свету палешукоў ластаўцы прыпісваюцца хтанічныя рысы. Так, шырока распаўсюджаны павер'і аб зімаванні ластавак у гразі, вадзе (рэчках, на дне азёр, у калодзежах і сажалках), дзе птушкі счэпляюцца лапкамі ці крыламі ў ланцужкі. Вобраз ластаўкі ў такіх кантэкстах карэлюе з другім членам семантычнай апазіцыі «верх / ніз» (дзе верх – неба, а ніз – зямля, зямная і падземная вада), што яшчэ раз сведчыць аб хтанічнай прыродзе гэтай птушкі ў традыцыйнай міфалагічнай мадэлі свету [1, с. 342]. Дзеля падкрэслення амбівалентнасці птушкі і акцэнтавання ўвагі менавіта на гэтых рысах у вершы ўжываецца залаты колер «на кожным крылцы залатое ззянне», які традыцыйным мысленнем асацыюецца «і з нябесным, і з падземным агнём, і з іншасветам, і з сонечным святлом, візуалізуе сакральнасць, маркіруе прадстаўнікоў вышэйшай нябеснай іерархіі» [5, с. 189]. Амбівалентная сімволіка ластаўкі дазваляе аўтару паэтычнага тэксту асацыятыўна звязаць яе з галоўнай